

BLAGODANAIA POCHVA

Lev Nikolaevich, graf, Tolstoi

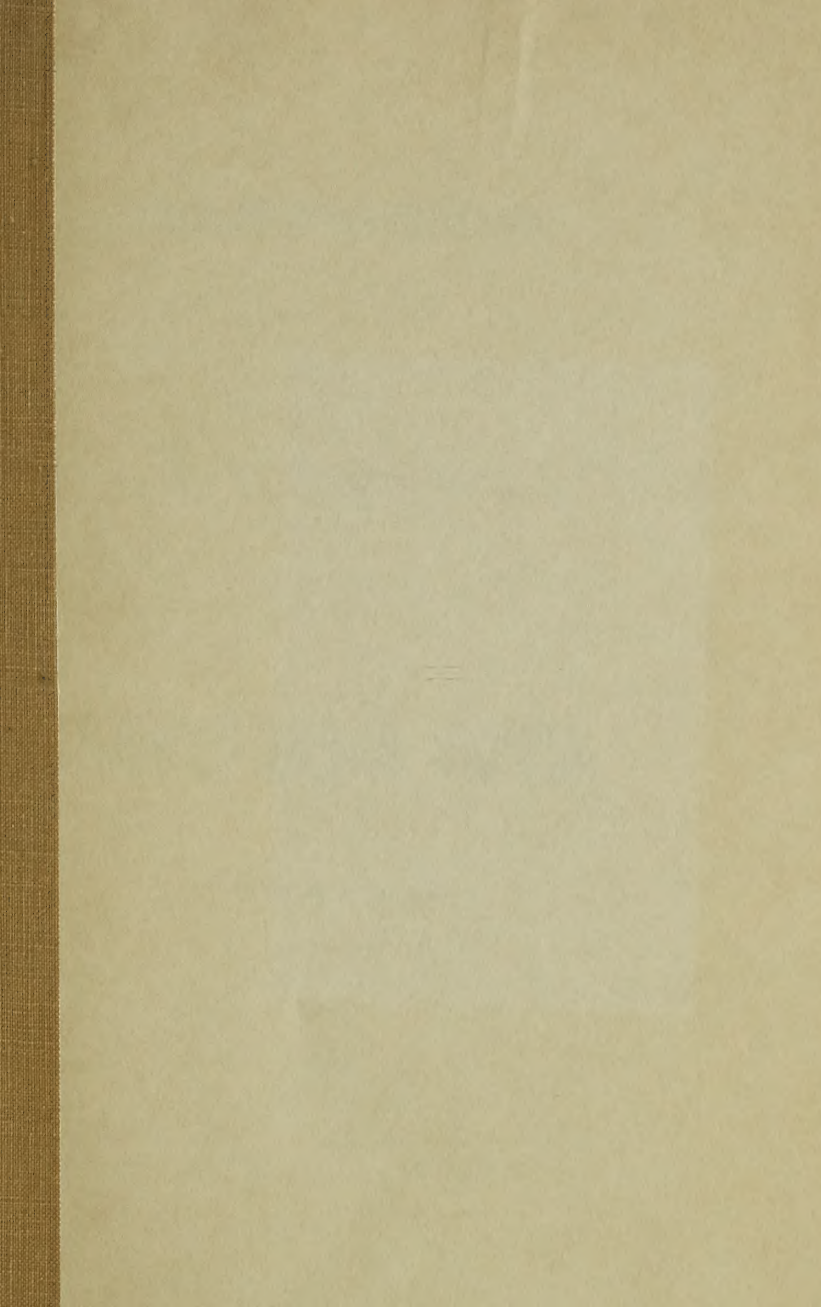
891.73

T634BL

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

НОВЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

А. Н. Толстого.

БЛАГОРОДНАЯ ПОЧВА.

(Изъ дневника.)

891.73

T654B4

БЛАГОДАРНАЯ ПОЧВА.

Опять живу у моего друга Черткова въ Московской губерніи. Гощу по той же причинѣ, по которой мы съѣзжались съ нимъ на границѣ Орловской и я годъ тому назадъ пріѣзжалъ въ Московскую. Причина та, что черта осѣдлости для Черткова — весь земной шаръ, кромѣ Тульской губерніи. Вотъ я и выѣзжаю на разные концы этой губерніи, чтобы видѣться съ нимъ.

Выхожу въ 8-мъ часу на обычную прогулку. Жаркій день. Сначала иду по жесткой, гнилой дорогѣ мимо акаціи, готовящейся уже трещать и выбрасывать свои сѣмена; потомъ мимо начинающей желтѣть ржи со своими чудными, все еще свѣжими

васильками; выхожу въ черное, почти все уже запаханное, паровое поле; направо пашетъ старикъ въ бахилкахъ, сохой и на плохой худой лошади, и слышу сердитое старинное: «Вылѣзь!» съ особеннымъ удареніемъ на второмъ слогѣ. И изрѣдка: «У. дьяволъ!» и опять: «Вылѣзь... Дьяволъ!»! Хотѣлъ говорить съ нимъ, но когда я проходилъ мимо его борозды, онъ былъ на противоположномъ концѣ полосы. Иду дальше. Впереди — другой пахарь. Съ этимъ должно быть, сойдуся, когда онъ будетъ подходить къ дорогѣ. Коли сойдуся, то и поговорю съ нимъ, если придется,—думаю я. И какъ разъ встрѣчаемся съ нимъ у дороги. Этотъ пашетъ плугомъ на крупной, рыжей лошади, молодой, красиво сложенный милый; одѣтъ хорошо, въ сапогахъ, ласково отвѣчаетъ на мой привѣтъ: «Богъ на помощь».

Плугъ плохо беретъ на катанную дорогу; онъ переѣзжаетъ ее и останавливается:

— Что же, лучше сохой?

— Какъ же, много легче.

— А давно завель?

— Недавно, да вотъ украли-было.

— Какъ же нашли?

— Нашли, своей же деревни.

— Что же, и въ судъ подали?

— А то какъ же.

— Зачѣмъ же подавать, когда плугъ нашелся?

— Да вѣдь воръ.

— Что же, человѣкъ посадить въ острогъ, хуже воровать научиться.

Серьезно и внимательно смотреть на меня, очевидно, не отвѣчая ни согласіемъ, ни отрицаніемъ на новую для него мысль.

Свѣжее, здоровое, умное лицо съ чуть пробивающимися волосами на бородѣ и верхней губѣ, съ умными сѣрыми глазами.

Онъ оставилъ плугъ, очевидно желая отохнуть и не прочь поговорить. Я взялся за ручки плуга и тронулъ потную, сытую, рослую кобылу. Кобыла влегла въ хомутъ, и

я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Но я не удержалъ плуга, онъ выскочилъ, и я остановилъ лошадь.

— Нѣтъ, вы не можете.

— Только тебѣ борозду испортилъ.

— Это ничего, справлю.

Онъ осадилъ лошадь, чтобы взять пропущенное мною, но не сталъ пахать.

— На солнцѣ жарко, пойдемъ въ кустахъ посидимъ, — пригласилъ онъ, указывая на лѣсокъ вплоть у конца полосы..

Мы перешли въ тѣнь молодыхъ березокъ. Онъ сѣлъ на землю, я остановился противъ него.

— Изъ какой деревни?

— Изъ Ботвиньина.

— Далече?

— Вотъ маячить на горкѣ.—И онъ показалъ мнѣ.

— Что же такъ далеко отъ дома наше?

— Да это не моя, здѣшняго мужика, я нанялся.

— Какъ нанялся, на лѣто?

— Нѣ, посѣять нанялся, вспахать, передвоить, все какъ должно.

— Что же, у него земли много?

— Да мѣрь 20 высѣваетъ

— Вотъ какъ! А лошадь это твоя? Хорошая лошадь.

— Да, кобыла ничего,—говорить онъ спокойной гордостью.

Кобыла дѣйствительно такая по ладамъ, росту и сытости, какихъ рѣдко видишь у крестьянъ.

— Вѣрно, живешь въ людяхъ, извозомъ занимаешься?

— Нѣ, дома, одинъ и хозяинъ.

— Такой молодой?

— Да я съ семи лѣтъ безъ отца остался; братъ въ Москвѣ живетъ, на фабрикѣ. Сначала сестра помогала, тоже на фабрикѣ жила, а съ 14-ти лѣтъ какъ есть одинъ, во всѣ дѣла, и работалъ, и наживалъ,—сказалъ онъ со спокойнымъ сознаніемъ своего достоинства.

— Женатъ?

— Нѣтъ.

— Такъ кто же у тебя по домашности?

— А матушка.

— А корова есть?

— Коровъ двѣ.

— Вотъ какъ! Сколько же тебѣ лѣтъ?
— спросилъ я.

— Восемнадцать, — отвѣчалъ онъ, чуть улыбаясь, понимая, что меня занимало то, что онъ, такой молодой, такъ могъ устроиться. И это, очень видно, было ему пріятно.

— Какой еще молодой! — сказалъ я.
— Что же, и въ солдаты придется?

— Какъ же, лобовой, — сказалъ онъ съ тѣмъ спокойнымъ выраженіемъ, съ которымъ говорятъ про старость, про смерть, вообще про то, о чемъ разсуждать нечего, потому что оно неотвратимо.

Разговоръ нашъ, какъ и всегда въ наше время съ крестьянами, коснулся земли, и онъ, описывая свою жизнь, сказалъ, что земли мало, что если бы не работалъ гдѣ

пѣшій, гдѣ на лошади, то и кормиться бы нечѣмъ. Но рассказываетъ онъ все это съ веселымъ, радостнымъ и гордымъ самодовольствомъ. Повторилъ еще разъ, что остался одинъ хозяиномъ съ 14-ти лѣтъ и все одинъ заработалъ.

— Ну, а вино пьешь?

Очевидно, ему непріятно было сказать, что пьетъ, но онъ не хочетъ сказать неправду.

— Пью,—сказалъ онъ тихо, пожимая плечами.

— А грамотѣ знаешь?

— Хорошо знаю.

— Что же, не читалъ книгъ о винѣ?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Что же, а лучше бы не пить совсѣмъ.

— Извѣстно, добра отъ того не мало.

— Такъ и бросить бы.

Онъ молчитъ, и видно, что понимаетъ и думаетъ.

— Вѣдь можно,—говорю я,—а какъ хорошо бы! Вотъ я третьяго дня ѣздилъ въ Ивино; только подѣзжаю къ одному двору, а хозяинъ здоровается со мной и называ-

сть меня по имени-отчеству. Выходить, что 12 лѣтъ тому назадъ мы видѣлись съ нимъ. Это—Кузинъ, знаешь?

— Какъ же, Сергѣй Тимоѳеевичъ.

И я рассказываю ему, какъ съ этимъ Кузинымъ 12 лѣтъ тому назадъ мы устроили Общество трезвости, и съ тѣхъ поръ онъ, Кузинъ, хотя и пилъ прежде, пересталъ пить совсѣмъ.

— И вотъ теперь Кузинъ говорилъ мнѣ, что только радуется тому, что отсталъ отъ этой пакости,—сказалъ я.—И живетъ, видно, очень исправно. И домъ, и все заведенье. А не брось онъ пить, можетъ и совсѣмъ не то бы было.

— Да, это точно.

— Такъ вотъ и тебѣ бы такъ. Такой ты малый хорошій, къ чему тебѣ вино пить, коли самъ говоришь, что отъ него никакой пользы нѣтъ. Брось и ты. и какъ хорошо будетъ!

Онъ молчитъ и во всѣ глаза смотритъ на меня. Я собираюсь уходить и подаю ему руку.

— Право, брось, вотъ съ этого раза!
Вотъ бы хорошо было.

Онъ сильной рукой сжимаетъ мою руку и, очень видно, въ этомъ рукопожатіи видить вызовъ на обѣщаніе.

— Ну, что же, можно, — совершенно неожиданно, какъ-то весело и рѣшительно говорить онъ.

— Неужели обѣщаешь? — говорю я съ удивленіемъ.

— А то что жъ, обѣщаю, — говоритъ онъ, кивая головой и чуть улыбаясь.

И по спокойному звуку его голоса, по серьезному, внимательному лицу видно, что это—не шутка и что онъ точно обѣщаетъ и точно хочетъ исполнить то, что обѣщаетъ.

Отъ старости или отъ болѣзни, или отъ того и другого вмѣстѣ, я сталъ слабъ на слезы умиленія, радости. Простыя слова этого милаго, твердаго, сильнаго человѣка, такого, очевидно, готоваго на все доброе и такого одинокаго, такъ тронули меня, что я отошелъ отъ него, отъ волненія не въ силахъ выговорить ни слова.

Когда я оправился, отойдя нѣсколько шаговъ, я повернулся къ нему и сказалъ (я передъ этимъ спросилъ, какъ его зовутъ):

— Такъ смотри же, Александръ: не давши слова — крѣпись, а давши слово — держись.

— Да ужъ это какъ есть, вѣрно будетъ.

Рѣдко приходится испытывать болѣе радостное чувство, чѣмъ то, которое я испытывалъ, отходя отъ него. Я забылъ сказать, что, разговаривая съ нимъ, я предложилъ дать ему листковъ противъ пьянства и книжекъ,—тѣхъ листковъ противъ пьянства, изъ которыхъ одинъ былъ приклеенъ въ соседней деревнѣ хозяиномъ къ наружной стѣнѣ и былъ сорванъ и уничтоженъ урядникомъ.

Онъ поблагодарилъ и сказалъ, что зайдетъ въ обѣдъ. Въ обѣдъ онъ не зашелъ и, —грѣшный человѣкъ, — мнѣ пришло въ голову, что весь разговоръ нашъ не былъ для него такъ важенъ, какъ мнѣ показалось, и что ему и не нужно книгъ, и что вообще я приписалъ ему то, чего въ немъ не было. Но вечеромъ онъ пришелъ, весь потный отъ работы и перехода. Отработавъ до вечера,

доѣхаль домой, отпрягъ плугъ, убрадь лошадь и за четыре версты, бодрый, веселый, пришедь ко мнѣ за книгами.

Я съ гостями сидѣль на великолѣпной террасѣ, передъ разбитыми клумбами, съ урнами среди цвѣточныхъ горокъ, вообще среди той роскошной обстановкѣ, за которую всегда стыдно передъ людьми рабочаго народа, когда вступаешь съ ними въ человѣческія сношенія.

Я вышелъ къ нему и первымъ дѣломъ повториль вопросъ: «Не раздумаль ли, вѣрно ли будешь держать общаніе?».

Опять съ той же доброй улыбкой онъ сказалъ:

— А то какъ же, я и матушкѣ сказалъ. Она рада, благодарить васъ.

За ухомъ у него я увидадь бумажку.

— А куришь?

— Курю, — сказалъ онъ, очевидно, ожидая, что я буду уговаривать его и это брось. Но я не сталь. Онъ помолчалъ и по какой-то страшнѣйшей связи мыслей, — связь

эта, я думаю, была въ томъ, что, видя во мнѣ сочувствіе къ своей жизни, онъ хотѣлъ сообщить мнѣ то важное событіе, которое ожидало его осенью. — А я вамъ не сказывалъ: меня уже сосватали. — И онъ улыбнулся, вопросительно глядя мнѣ въ глаза.—Осенью.

— Вотъ какъ! Хорошее дѣло. Гдѣ берете?

— Онъ сказалъ.

— Съ приданымъ?

— Нѣтъ, какое приданое! Дѣвушка хорошая.

И мнѣ пришло въ голову сдѣлать ему тотъ вопросъ, который всегда занимаетъ меня, когда нмѣешь дѣло съ хорошими молодыми людьми нашего времени.

— А что, — спросилъ я, — ужъ ты прости меня, что я тебя спрашиваю, но, пожалуйста, скажи правду; или не отвѣчай, или всю правду скажи.

Онъ уставилъ на меня спокойный, внимательный взглядъ.

— Отчего же не сказать.

— Имѣлъ ты грѣхъ съ женщиной?

Ни минуты не колеблясь, онъ просто отвѣчалъ:

— Помилуй Богъ! Не было этого.

— Вотъ и хорошо, очень хорошо,—сказалъ я. — Радуюсь за тебя.

Говорить больше было сейчасъ нечего.

— Ну, такъ вотъ я вынесу тебѣ сейчасъ книжку, и поматай тебѣ Богъ.

И мы простились.

Да, какая чудная для посѣва земля, какая воспріимчивая! И какой ужасный грѣхъ бросать въ нее сѣмена лжи, насилія, пьянства, разврата!

Да, какая чудная земля не переставая паруетъ, дожидаясь сѣмени, и зарастаетъ сорными травами!

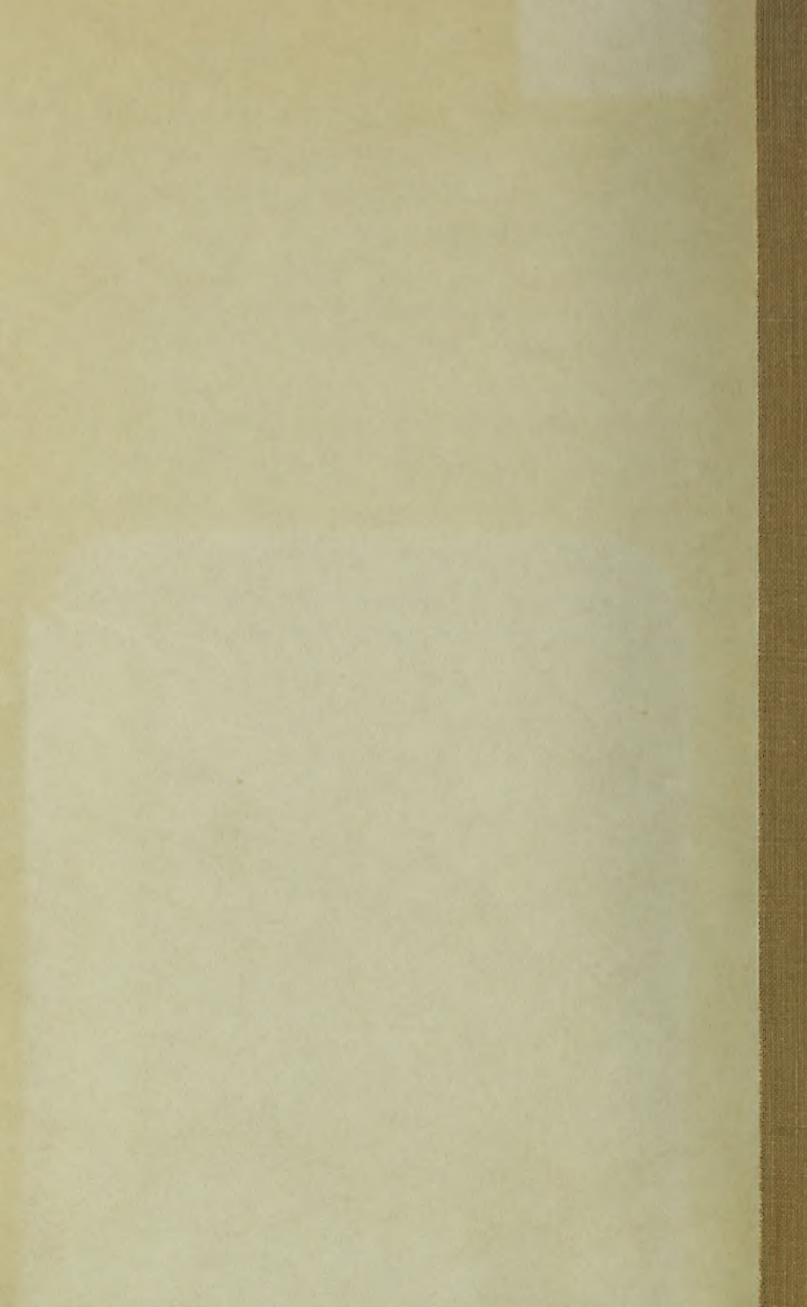
Мы же, имѣющіе возможность отдать этому народу хоть что-нибудь и зъ того, что мы не переставая беремъ отъ него, — что мы даемъ ему?

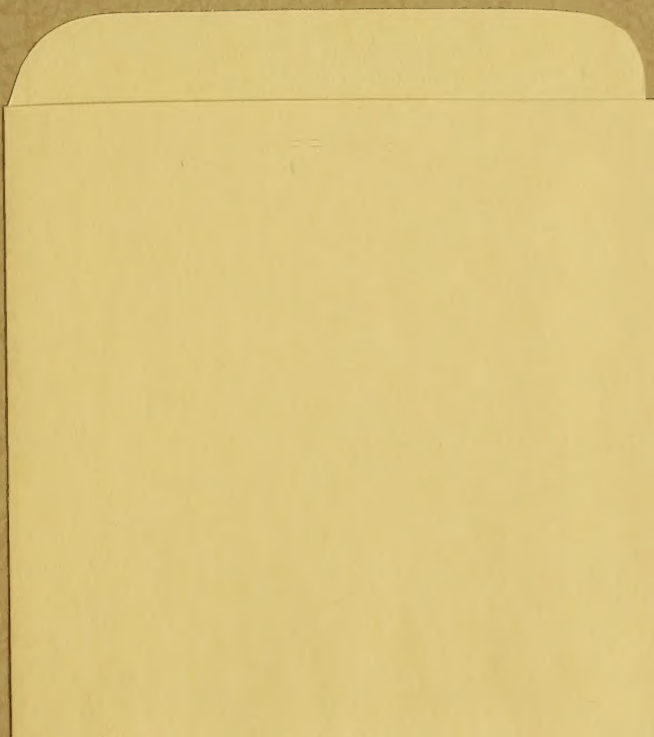
Аэропланы, дредноуты и всѣ тѣ ненужныя глупости, которыя мы называемъ наукой и искусствомъ. И главное, — примѣръ

пустой, безправственной, преступной жизни. Да еще хорошо, если бы мы за то, что берем. Да еще хорошо, если бы мы за то, что беремъ ные, глупые и дурные примѣры. А то, вмѣсто уплаты хоть части своего неоплатнаго долга передъ нимъ, мы засѣиваемъ эту, алчущую истиннаго знанія, землю одними «тернями и волчцами», запутываемъ этихъ милыхъ, открытыхъ на все доброе, чистое, какъ дѣти, людей коварными, умышленными обманами.

Да, «горе міру отъ соблазновъ, ибо надобно притти соблазнамъ; но горе тому чловѣку, черезъ кого соблазнъ приходитъ».

Левъ Толстой. .

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES

Blagodarnaja pochva (iz Dnevnik
891.73 T6548L

0903551795